

не потеряют контроля над своими границами. Его прозрачность и упорядоченность будет подкреплена тесным межгосударственным сотрудничеством.

#### Литература

1. Малахов В.С. Иммиграционные режимы в государствах Запада и в России: теоретико- политический аспект. Часть 1 // Полис. - 2010. - № 3. - С. 60-69.
2. Тюрюканова Е. Современный миграционный режим и его особенности в России. // Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие. Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля - Центр миграционных исследований - М., 2007. - С. 96-113.
3. Гош Б. Управление миграциями: поиск отсутствующего режима? // Миграции без границ: эссе о свободном передвижении людей. Под ред. А. Пеку, П. Де Гюштенера. Париж, ЮНЕСКО. 2007. - С 149-181.

Ибрагимов Р.Н.,

г. Абакан

### СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТ

Употребление термина «диалектика» в социологической литературе не запрещено: нет-нет да и проскочит он в творениях отечественного социолога, прошедшего горнило марксистско-ленинской выучки. Однако чем насыщеннее употребление англоязычной неосхоластики, тем реже звучит это имя, чем более европейским позиционирует себя социолог, тем очевидней его стесняется. Так обычно стесняются подростки, увидев свои младенческие фото в девчачьих платypiшках. В западной социологии диалектика вообще есть фигура умолчания.

И это вполне объяснимо. С момента зарождения «собственно социология» аксиоматически числилась по ведомству позитивизма и поэтому противопоставлялась гегельянской традиции. В марксистской дискурсивной парадигме диалектика, и без того абсолютизированная Гегелем, получила гипертрофированное и порой извращенное продолжение. Любое начальственное словоблудие осенялось прилагательным «диалектическое», как крестным знаменем. Даже серьезная академическая философия, не решив предварительно вопроса об онтологическом статусе диалектики, ухватилась за прилагательное «материалистическая», позабыв, что везде, кроме как у Гегеля, диалектика – это метод, и ему все равно, к каким объектам он применяется, идеальным или материальным.

Языком позитивной науки является формальная логика. И в любом учебнике по ней говорится о запрете на «логический круг»: определяя понятие, нельзя использовать термины, которые сами определяются через него же. Это правило действует во всех случаях, кроме одного – парные категории, которые в тех же учебниках называются соотносительными. Можно изворачиваться на целые абзацы и страницы, но, если следовать заветам Оккама, проще и экономнее определить причину, как то, что вызывает следствия, а следствие – как то, что вызывается причиной. От всего списка парных всеобщих понятий даже в самой приземленной научной дисциплине не смог даже экстремальный позитивизм. Мах умер!

Да и не в метафизичности дело. Мы, конечно, можем мыслить болт и гайку по отдельности, определяя их, соответственно, как «симулякр инженерной сублимации» и «металлический бублик с резьбой внутри». Но в природе гайка существует, чтобы вкручиваться в болт; и самое экономное ее определение будет звучать как «то, что вкручивается в болт». И определение болта зеркально определению гайки. То есть – с ошибкой «логического круга». Соотносительные (читай – диалектические) понятия имеют хождение не только в философии. В этом, здраво-скептическом, плане диалектика выступает не как методологический монстр, пожирающий даже онтологию, а

лишь как частное ответвление формальной логики, вырастающее всего лишь из одного (в данном случае) аксиоматического допущения.

Применительно к социальным явлениям эффект соотносительности проявляет себя как нигде отчетливо. Устойчивые функциональные соответствия, системные связи, статусно-ролевые распределения, все, что не дает обществу редуцироваться до антропологии, есть реальные проявления эффекта соотносительности и терминологически должны оформляться соответственно. «Покупатель-продавец», «начальник-подчиненный», «теща-зять» такие же парные категории, как «причина-следствие», «донор-реципиент» и «болт-гайка»; и фактами здесь также выступают не сами материальные носители ролей, а их **взаимополагание, взаимообнаружение, взаимное «зеркальное» фундирование**. Именно они и им подобные понятия определяют системный характер социальных явлений.

Это – банальность. Но тогда банальностью должно быть и то, что вместе со Спинозой, Гегелем и Марксом в ряды великих диалектиков следует вписать Р.Мертона, Т.Парсонса и Т.Лукмана, внесших огромный вклад в социальную систематику. Другое дело, что последние вряд ли обрадовались бы этому – тот случай, когда для наименования важна репутация термина, а не существо дела. А репутация термина подкачала.

Этим, вероятно, и объясняется тематическое уклонение и огибание в отношении диалектики. Даже в работах по методологии и методике социологических исследований, где всплывают имена Маркса и Ленина, обсуждается что угодно, только не метод, а скомканная проблематика соотносительности выбрасывается в корзину *«метафоричность концептуального лексикона»*. [1, С.10.] Но в этой проблематике внимание привлекает, прежде всего, не мировоззренческая или идеологическая, а прикладная, практическая составляющая. Убедимся в этом на примере теории социального обмена.

Социальность возникает как обмен обнаружениями – ожиданиями, вочеловеченными и распрямеченными символами. При желании эхо

идеологии можно услышать и у Хоманса – конвенциональный либерализм. Но важнее другое. В процессе этих бесконечных «я нашел ее привлекательной», «я нашла его полицейским» не запрограммирована дифференциация. Она возникает лишь как результат свободных, произвольных интерпретаций социальных акторов. В действительности имеет место и такое. Крыловские Кукушка и Петух, сами того не ведая, занимаются социальным обменом – в терминологии Дж.Хоманса, или обменом «поглаживаниями» – в терминологии Э.Берна. Они друг друга стоят. В том смысле, что между ними нет разницы, т.е. дифференциации.

Но крыловская же Ворона – она-то зачем взгромоздилась на ель? Просто покушать? Как обыватель на кухне? Или все же отравить Лисицу? Ресторанный кутила тоже заказывает икру и трюфели не для того, чтобы унять урчание желудка. А шоб дывылись! Актор ищет в социальном пространстве не равного, а неравного. Будь на месте Лисицы Козел, он заблеял бы о «зримом увеличении пропасти между бедными и богатыми», о «циничном пренебрежении чаяниями трудящихся». А Ворона в ответ: «Ты просто завидуешь, Козел!». И вместо ролевого распределения «Мошенник-Лох» разыгрался бы сценарий «Завистник-Задавака».

Лживость, наивность, зависть, гордыня – это понятия-маркеры нравственного плана. Несмотря на очевидность и бесспорность существования их десигнатов, эмпирическая социология всегда испытывала затруднения в их операционализации. Чужая душа – потемки; поди разбери, чем является кабриолет «Феррари» для жителя заполярного Норильска – роскошью или средством передвижения? И, далее, с облегчением перепасовываем затруднение братьям-психологам. Пускай, дескать, свои методики применяют вплоть до смиренной рубашки!

Сложна и переменчива внутренняя жизнь завистника, гордеца, лгунишки; она – вечная епархия психологии. Но делать вид, что здесь вообще отсутствует социальная составляющая, просто несерьезно. Ролевое распределение «начальник-подчиненный» возникает с точки зрения

социологии (а не юриспруденции, экономической теории или теории менеджмента) по тем же причинам, что и «Гордец-Завистник», «Грешник-Праведник» и мн.др.

Социологически Начальник – это не тот, кто назначается приказом и получает наибольший оклад, а тот, кого обнаруживает желающий подчиняться. Подчиненный – этот, в ком нуждается, кого жадным взором изыскивает в социальном пространстве желающий покомандовать. И сводить проблему нужды россиян в «царе-батюшке» только к психологии неверно как с онтологической, так и с методологической точек зрения.

С онтологической проще: россияне, Царь-Батюшка и нужда в нем – это медицинский факт. Не сложнее, казалось бы, и методология проблемы. Коль скоро Начальник и Подчиненный, а с нашей социокультурной поправкой – Барин и Холуй (комплиментарный вариант Холопа), соотносительны и логически, и онтологически, значит эмпирическое изучение одной стороны возможно и реализуемо изучением другой. Причем что касается Барина и Холуя это даже не надо доказывать. «...глазами граждан (избирателей, работников, больных)» – клише названий великого множества исследований. Никому не надо доказывать, что совокупность интенций, составляющих Его образ, социально значимей, чем то, дрался ли мальчишкой будущий президент, каковы его отношения с женой и детьми. Столь же зримый образ Подчиненного извлекается из приказов и распоряжений Начальника, из всей совокупности проявлений его автопозиционирования. Не только свита делает короля, но и король – свиту.

Но в этом случае методологически столь же допустимо и нормально изучать Обжор по Диетоманам (и обратно), Завистников – по Гордецам (и обратно), Проблематизаторов насилия – по Депроблематизаторам (и обратно). К сожалению, эти случаи не столь очевидны, как распределение «начальник-подчиненный», и приходится обосновывать напряженнее и тщательнее.

И дело не столько в отсутствии или неопределенности самих объектов, сколько в отсутствии конвенционально организуемого аксиоматического статуса подобной технологии поиска. Сколько методологических допущений, исследовательских установок «по умолчанию» – не счесть. Мы, например, заряжая опрос общественного мнения, априори исходим из постулата разумности респондента, забывая про водил-адреналинщиков, про собачников, про феминисток и др. Соотносительность как социальный феномен также нуждается в подкреплении и подтверждении аксиоматического статуса – естественно, при условии аккуратного, разумного использования и верификации.

#### Литература

1. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. – М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1995. – 209 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Academia-Центр», «МЕДИУМ», 1995. – 171 с.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – СПб: Лениздат, 1992. – 400 с.
4. Борхес Х.Л. Приближение к Альмутасиму // Борхес Х.Л. Проза разных лет. – М.: Радуга, 1984. – С.44-49.

Ковалева М.М.,  
Екатеринбург

#### ИЗ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ (РУССКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ ОБ ОГЮСТЕ КОНТЕ)

Историческое знание сохраняется для потомков в виде документов, воспоминаний, а образы ушедших поколений живут в литературных и